

УДК 316.64:159.947.5

УТОПИЯ КАК ОБРАЗ БУДУЩЕГО

И.В. ЖЕЛТИКОВА*Орловский государственный
университет**e-mail: in_g@orel.ru*

Статья посвящена рассмотрению утопии как носителя социального идеала направленного в будущее, образа желаемого будущего. Автор обращается к анализу традиции изучения утопии, для того чтобы обнаружить те аспекты, которые позволяют охарактеризовать ее в качестве позитивной картины будущего. Автор статьи полагает, что утопический образ будущего коренится в надежде на лучшее, его природа социально-психологическая. С этой позиции утопия как образ будущего определяется в статье как оправдание социального настоящего ее породившего. Утопия как образ будущего образуется путем выделения в настоящем сторон и тенденций, вселяющих надежду на продолжение их в будущем.

Ключевые слова: утопия, образ будущего, социальные ожидания, социальный идеал, социальная надежда, социальные иллюзии, прогноз, система ценностей, общественное сознание, общественное самосознание.

Предметом рассмотрения данной статьи будет утопия как определенный взгляд на будущее, взгляд, выражающий надежду на лучшее, и в силу этого несущий в себе заинтересованность в будущем. Учитывая многозначность и расплывчатость термина «утопия», позитивные картины будущего, лежащие в поле нашего рассмотрения, можно было бы обозначить и как-то иначе. Но мы сознательно не делаем этого, так как хотим подчеркнуть связь нашего подхода с более чем двухсотлетней традицией изучения утопий. Традиция эта на сегодняшний день перешла уже в стадию метатеории, анализирующей опыт предшествующего изучения утопий.

Современными исследователями отмечается семантическое разнообразие понятия «утопия». Так, Д.Е. Мартынов насчитывает 13 значений термина, функционирующих в современных научных и научно-популярных русскоязычных текстах. Им выделены следующие значения: утопия как литературный жанр близкий научной фантастике; утопия как несбыточная и не претендующая на реализацию мечта о прекрасном будущем; утопия как инструкция и/или попытка претворить в жизнь некий идеал; утопия как «форма сознания, испытывающего дискомфорт от несогласованности между внешним миром и внутренним восприятием»; утопия как форма мифа идеализирующего далекое прошлое, выступающее в качестве примера для подражания; утопия как некое реальное общество, возникшее в результате социальных экспериментов; утопия как «универсальная инвектива» указывающая на негативную, с позиции осуществимости, оценку политических или экономических проектов; утопия в значении утопического социализма; утопия как термин означающий «иное пространство» (например, киберпространство); утопия как нефункциональная модель экономики (например, монетаризм или либертарианство); историческая утопия как ретроспективная идеализация конкретного прошлого (чаще национального прошлого, как у славянофилов); религиозная утопия как попытка построения совершенной жизни религиозными общинами; научно-техническая утопия как уверенность в разрешимости социальных проблем средствами технократии¹. Этим перечислением отнюдь не исчерпывается семантическое разнообразие термина «утопия». Среди устойчивых его значений есть и такое как архитектурно-ландшафтный проект, призванный гармонизировать человека и окружающую его искусственно созданную среду². Рас-

¹ Мартынов Д.Е. К рассмотрению семантической эволюции понятия «утопия» (XX в.) // Вопросы философии. – 2009. – №10. – С.156.

² Такое использование термина см. напр.: Быстрова Т.Ю. Перевод статьи Криса Уилкинсона «Город-утопия» // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2009. – № 2. – С.76–77; Игнатов Г.Е. Социальная утопия как модель проективного сознания // Социология города – 2009. – №2. – С. 28–34.

смотрение утопии в качестве образа желаемого будущего добавит еще одно значение в уже составленный перечень.

Анализируя утопию с позиции одного из образов видения будущего, сначала мы рассмотрим уже сложившиеся подходы исследования утопий, чтобы выделить в них те стороны и подходы которые могут быть полезны в нашем исследовании. Затем уточним, что мы понимаем под «образом будущего», и каково его место в социально-философском исследовании. И в заключении, попытаемся выявить природу утопического образа будущего, эвристический потенциал его дальнейшего исследования.

Все огромное количество уже существующих исследований утопии в зависимости от той или иной трактовки самого феномена может быть расположено в трех областях: литературоведческой, области исследования мировоззренческой установки, маркируемой как «утопическое», и социально-философской. В первой области происходит исследование утопии как литературного жанра. Материалом для анализа здесь выступают конкретные литературные произведения, обобщение которых направлено на выявление жанровых признаков утопических произведений, их видового разнообразия. Г. Негли и Д. Патрик, составители антологии «В поисках Утопии», называют три отличительных черты литературного жанра утопии. Они считают, что любая утопия представляет собой вымысел, описывает определенное государство или сообщество, её темой является политическая структура этого социума³. К этому можно добавить, что в литературной утопии описывается мир, представляющий автору близким к идеалу⁴, в сюжете отсутствуют или слабо прописаны главные действующие лица, повествование строится как рассказ путешественника-очевидца оказавшегося в ином времени или месте⁵.

Исследования утопического жанра литературы включают оценку литературных достоинств и недостатков этого жанра в целом, рассмотрение специфики отдельных произведений, временное и национальное своеобразие утопий. Например, Т. Эткинд⁶, а за ним и многие отечественные исследователи, специфической чертой русской утопии называют «тутопию» – связь идеального состояния общества именно с Россией, упор в достижении совершенства не на социальные, а на моральные преобразования⁷, охранительные антипрогрессистские идеалы⁸. К этой же группе можно отнести самостоятельный анализ отдельных жанров, например, готического романа, научной фантастики, фэнтези, на предмет присутствия в них черт утопии.

Как своеобразный метажанр рассматривает утопию Н.В. Ковтун. Опираясь на установки М.М. Бахтина, он определяет специфику утопического жанра в его «пограничности», своеобразной межжанровости. «История становления и развития утопии свидетельствует о постепенном смещении акцента с Идеи на образные средства ее воплощения. Утопия беллетризуется, – замечает он. – Современная критика все чаще определяет утопию как общеинтеллектуальный дискурс, содержание которого выявляется через противостояние некой совокупности приемов, тематизируемой понятиями "миф", "ритуал"; "эсхатология", "идеология"»⁹.

Хотя единой классификации утопических субжанров не выработано, многие исследователи различают контр-утопию, какотопию, антиутопию и др. Э.Я. Баталов полагал, что в основание субжанровой классификации должно быть положено позитивное или

³ Negley G., Patrik D. The Quest for Utopia. – N.Y., 1952. – 380 p.

⁴ Медведева Т.Б. Концепт утопия: современные исследования и многообразие интерпретаций // Гуманитарные и социально-экономические // Гуманитарные и социально-экономические науки . – 2009. – №2 – С. 113–117.

⁵ Шадурский М. Литературная утопия от Мора до Хаксли: Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова. – М: Издательство ЛКИ, 2007. –160 с.– С. 10–12.

⁶ Эткинд Т. Толкование путешествий. – Россия и Америка в травелогах и интертекстах. – М., 2001. – 564 с.

⁷ Ковтун Н.В. Роман В.Ф. Одоевского «4338 год» и традиции интеллектуальной утопии в России // Известия томского политехнического университета. – 2004. – Т. 307 – № 5 – С. 179–183. С. 180.

⁸ Постникова Е.Г. Миф об идеальном русском государстве в «Помпадурках и помпадуршах» М.Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – №10. – С. 191–196.

⁹ Ковтун Н.В. Роман В.Ф. Обоевского «4338 год» и традиции интеллектуальной утопии в России // Известия томского политехнического университета. – 2004 – Т. 307 – № 5 – С. 179–183 – С. 179.

негативное отношение самого автора к описываемому обществу¹⁰. Позитивными утопиями он называет те, в которых автор положительно относится к моделированию идеального общества, и наделяет свой проект не только чертами социально-желаемого, но и совершенного общества. При этом утопией Баталов и его последователи¹¹ называют первичное моделирование, т.е. изображение собственного видения совершенного общества, а контр утопией – проект, создаваемый в оппозицию к утопическому. С этой позиции «Государство» Платона – утопия, «Утопия» Т.Мора – её контр утопия, а «Город Солнца» Т. Кампанеллы – контр утопия «Утопии». Негативные утопии – дистопия и какотопия, рисуют заведомо нежелательное, но возможное общество. При том, что негативность дистопии заключается в сатирически перевернутом изображении традиционных для утопий социальных порядков, тогда как авторы какотопий разрабатывают собственный вариант социального зла, по всем показателям «плохой страны». Антиутопия в корне отличается от позитивных и негативных утопий. Она демонстрирует практическую реализацию утопических проектов, указывает не только на их многочисленные недостатки и недоработки, но и на фундаментальные установки подобных конструкций, противоречащие человеческой свободе¹².

Вторая область исследования утопии – это анализ особой мировоззренческой установки, называемой «утопическое», «утопизм» или «утопическое сознание/мышление». В данном случае предметом рассмотрения оказывается разнообразный материал от философских и литературных сочинений, до экономических и политических проектов, программ, реформ. Здесь осуществляется анализ «природы утопического», выделяются социальные и психологические факторы, инициирующие данный тип мировоззренческой установки. Исследователи этой группы соотносят понятие «утопия» с такими понятиями как «фантазия», «социальные иллюзии», «социальный проект», «социальный идеализм», «прожекторство». Причем, исследования располагающиеся в этой области акцентируют внимание на фантастичности, иллюзорности, ложности утопизма, противопоставляя его трезвому реалистическому подходу, идеологии, гуманизму.

В рамках данной области большое внимание уделяется определению типических черт утопического мышления. Родовой чертой и главным недостатком утопизма А. Фогт считал склонность его представителей к упрощению социальной жизни, что легитимизирует их стремление к быстрым и кардинальным решениям сложных социально-экономических проблем¹³. В.И. Мильдон находит в утопическом подходе универсальность мыслительного приема постулирующего конечное торжество добра, рационализацию веры в возможность достижения Царства Божия на земле, утверждение коллективного блага, всеобщего счастья, избавления от несправедливости и зла¹⁴.

М.Б. Ямпольский¹⁵, а вслед за ним А.М. Сафина, Л.Г. Фишман и др. видят в утопическом подходе попытку новоевропейского мышления абстрагировать, деперсонализировать и идеализировать такие социальные явления как власть, закон, порядок. Утопичность, по мнению Сафиной, отличительная черта нововременного общества, заключающаяся в отсутствии привязанности к месту, конкретному пространству¹⁶. Утопии и идеологии, по Фишману, в равной степени рационалистичны и ориентированы на науку, их отличает вера в возможность адекватного постижения общества и истории, в возможность связи между властью и массами в сфере публичной политики¹⁷.

¹⁰ Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. – М.: Политиздат, 1989. – 319с.

¹¹ Петрихин А.В., Курочкина Л.Я. Плюрализм трактовок феномена «Утопия» в контексте единой европейской утопической традиции // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2009. – Т.5. – № 11 – С. 251–254.

¹² Дрэн-Оглы Э.Я. Антиутопия. – М.: Мысль, 1989. – С. 3.

¹³ Фогт А. Социальные утопии. – М.: КомКнига, 2007. – 192. – С. IX.

¹⁴ Мильдон В.И. История и утопия как типы сознания // Вопросы философии – 2006 – № 1 – С. 15–24

¹⁵ Ямпольский М. Ткач и визионер: Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 616 с.

¹⁶ Сафина А.М. Материк социального: утопия как репрезентационная структура // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2010. – Т. 152, кн. 1. – С. 155–161.

¹⁷ Фишман Л.Г. «Утопия» ренессанса и «политический проект» постмодерна // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2003. – № 4. – С. 138–160.

Антитеза «утопизм–гуманизм», разрабатываемая советскими исследователями, нашла продолжение в подходах современных авторов. Так Э.Я. Баталов считал, что утописты в своих мечтаниях о всеобщем счастье опираются на постулируемые догмы. «Что такое утопия в пределе? – Вопросал он. – Это совершенный, а потому мертвый мир, которому просто некуда развиваться»¹⁸. Можно найти исследования солидарные с такой оценкой: «идеал как качественное состояние всегда статичен. Утопия, являясь неким постулатом – это всегда конечный результат, некая завершенная, логически замкнутая система, развития в которой не имеет места»¹⁹, противовес гуманизма, понимаемого как подвижный конструктивный подход, допускающий плюралистические, и в принципе «неправильные» модели дальнейшего развития²⁰. Напротив, французский исследователь Ж. Лабрика, противопоставляет утопизм как живой образ будущего, научности, как категориальной закреплённости настоящего, и не признает в нем догматизма. Лабрика напоминает о критичности утопического подхода по отношению к существующему обществу и о разработке утопистами альтернативных вариантов будущего. Так что для него отличительной чертой утопизма выступает проективность человеческого бытия, обращённость человека к будущему²¹.

Третья область исследования утопий – социально-философская. Обращаясь к анализу философских и публицистических сочинений, авторы этой группы рассматривают утопии как интеллектуальные проекты совершенного общества. Исследователей интересуют конкретные черты этих проективных обществ, связь их конфигурации с социальным настоящим автора утопии. При этом подходе утопии обычно типологизируются, выделяются черты, отличающие социально-философскую утопию.

Одна из первых классификаций утопий принадлежит А. Фогту, который подразделяет их, в зависимости от отношения к власти и подчинению, на анархические – для людей, ценящих свободу, и архические – для тех, кто согласен на подчинение взамен гарантий достатка и стабильности. По типу изображаемых общественных отношений различает утопии первобытно-общинные, рабовладельческие, феодальные, буржуазные²². Э.Я. Баталов классифицировал утопии в зависимости от того, кем и с какой целью они создавались. Он выделяет: стихийную «народную утопию», выражающую представления крестьян и горожан о «праведном общественном строе»²³, «официальную утопию», отражающую государственную систему национальных идеалов²⁴, литературно-теоретическую утопию и коммунистический эксперимент²⁵. Обобщая сложившиеся в классификации утопий подходы, Баталов выделял группировку утопий по социально-классовому содержанию идеала (социалистические, буржуазно-либеральные, анархистские и фашистские), по месту идеала на шкале времени (регрессивные, консервационистские, прогрессивные), по характеру утверждаемых жизненных ценностей (романтические утопии, ориентированные на единение человека с природой, технократические и теократические)²⁶.

Среди черт отличающих социально-философскую утопию чаще всего называют рационализм, попытку гармонизации всего человечества, теоретичность утопического

¹⁸ Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. – М.: Политиздат, 1989 – С.270.

¹⁹ Петрихин А.В., Курочкина Л.Я. Плюрализм трактовок феномена «Утопия» в контексте единой европейской утопической традиции // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2009. – Т.5. – № 11 – С. 251–254. – С. 252.

²⁰ Петрихий А.В. Антиутопия как способ осознания единства цели и различия путей ее достижения гуманизмом и утопией // Вестник воронежского государственного технического университета. – 2009. – Т.5. – №6. – С. 138–141. – С. 140.

²¹ Лабрика Ж. Марксизм между наукой и утопией // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2004. – № 5. – С. 268–293. – С. 290.

²² Бестужев-Лада И.В. Окно в будущее: Современные проблемы социального прогнозирования. М.: Мысль, 1970. – С. 38.

²³ Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. – М.: Политиздат, 1989 – С. 42.

²⁴ Там же. С.44

²⁵ Там же. С.48.

²⁶ Там же. С. 50.

идеала, рассмотрение его как задачи для реализации, экономику изобилия²⁷. Достаточно много внимания в этом подходе уделяется анализу зависимости содержания и формы утопии от места и времени ее создания. Ф. Аинса связывает формирование новоевропейских утопий с открытием Америки, нанесением на карту «места, которого нет», умозрительного обустройства его, опираясь на опыт колонизации и миссионерства²⁸. Т.С. Паниотова прослеживает попытки «первокрестителей» Америки превратить вновь открытый континент в «духовное продолжение Старого Света и образ будущего»²⁹. М.Д. Суслов показывает связь милитаристской, техногенной фантастики начала XX века с социокультурными реалиями кануна Первой мировой войны³⁰.

Прежде чем перейти к рассмотрению утопии в обозначенном нами ракурсе позитивного образа будущего, следует сказать несколько слов о самом понятии «образ будущего», которое мы определяем как обобщенную моделью, относительно целостную картину мира в его перспективе. Это понятие нередко встречается в качестве интуитивно ясного определения в философских, исторических, футурологических исследованиях. «Образ будущего» не выступает в роли понятия с четко определенным содержанием, однако однозначно указывает на наличие некой целостной картины будущего. По существу, образ будущего – это абстракция, умозрительное обобщение исследователя, выделяющего медиану ожиданий отдельных социальных групп и общества в целом, в конкретной исторической и социокультурной ситуации.

Можно найти определенные параллели между понятием «образ будущего» и «социальное воображаемое» К. Кастириадиса, которое не есть образ чего-то существующего, а представляет собой «необуловленное творчество» в социально-исторической области³¹. В первую очередь, Кастириадис использует свое понятие по отношению к истории, определяя его как «творчество из ничего» – творчество, отражающее аффекты и желания человека. Тем не менее, философ считает возможным проследить динамику социального воображаемого европейского общества, выделяя некий коррелят специфических черт воображения определенных периодов. Однако здесь следует иметь в виду, что Кастириадис связывает свое «социальное воображаемое» скорее с особенностями человеческой психики (автономизация субъекта), чем со спецификой социума. Можно сказать, что «социальное воображаемое» – это среднее между свободой индивидуальной фантазии и репрессивным нормированием ее со стороны социума. Мы же склонны относить «образ будущего» к феноменам общественного сознания, выделяя в этой определенной направленности на будущее, устремление конкретных социальных групп того или иного общества. Можно указать на использование словосочетания «образ будущего» в качестве определенного понятия. В работе 1961 года «The Image of the Future»³² нидерландский социолог Ф. Полак определял «образ будущего» как позитивную модель ожидаемого будущего, проводя аналогии между образами будущего, существующего в нашем сознании, и образами искусства.

Исследование образов будущего конкретного общества обладает, по нашему мнению, самостоятельной значимостью, вне зависимости от того насколько удачным или нет, они оказались с позиции оправданности прогнозов. Картины будущего, функционирующие в социуме, могут быть рассмотрены в первую очередь как элементы социальной реальности этого социума, как параметры, характеризующие общественное бытие. Анализ отношения к будущему позволяет исследователю выявить темпоральные самоощущение социума в целом, или одной из его групп, то как обществом оценивалась его жизнеспособность.

²⁷ Петрихин А.В., Курочкина Л.Я. Плюрализм трактовок феномена «Утопия» в контексте единой европейской утопической традиции // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2009. – Т.5. – № 11 – С. 251-254. – С.253

²⁸ Аинса Ф. Реконструкция утопии: Эссе/ Пер. с франц. – М.: Editions UNESCO, 1999. – С. 149–151.

²⁹ Паниотова Т.С. Рождение Утопии: латиноамериканский контекст // Вопросы философии – 2005 – №10 – С. 77.

³⁰ Суслов М.Д. Феномен империалистического утопизма 1880-1914 гг. // Вопросы философии – 2010 – №3 – С. 18–29.

³¹ Кастириадис К. Воображаемое установление общества. / Пер. с франц. М.: Гнозис; Логос, 2003. – С. 9.

³² Polak, F. The Image of the Future. Leiden-New York, 1961.

По характеру социальных ожиданий можно говорить о доминировании в образе будущего представлений о возможном, вероятном развитии событий (реалистически ориентированные прогнозы), размышлениях о должном состоянии общества и путях его достижения (утопиях), опасениях нежелательного развития событий. Каждая из этих «ориентаций на будущее» рассматривает одну из сторон общественного самосознания, и необходимо детально проанализировать каждую из них, для того, чтобы можно было понять почему в тот или иной период в обществе происходит всплеск упований на будущее или, напротив, развивается страх перед ним.

Здесь уместно будет коснуться вопроса нетождественности утопии утопическому образу будущего. Утопический идеал, по верному замечанию Баталова, не обязательно направлен в будущее. Утопии Т. Мора и Ф. Бэкона, располагались в «ином месте», современном рассказчикам, идеалы славянофилов ретроспективны, а идеальное государство мыслилось Платоном за пределами «хоры». Нас же интересуют только те утопические образы, которые для их создателей ассоциировались с будущим, обнаруживая их позитивные надежды. Второе отличие социальной утопии от утопического образа будущего видно тогда, когда мы обращаемся к оппозициям утопии. Как обнаруживают исследователи жанрового своеобразия утопии, ей противостоит с одной стороны негативная утопия, с другой – антиутопия. И в том и в другом случае речь идет о моделировании дисгармоничного, несправедливого общества, общества которое вызывает неприязнь, протест. Однако неприятие такого проекта носит как бы отвлеченный характер, ни читатель, ни исследователь не рассматривает антиутопию или какотопию в качестве возможного будущего, и потому не видит в ней реальной угрозы. Поэтому антиутопия противостоит утопии, но не является антитезой утопического образа будущего. Что именно будет правильно противопоставить последнему, нам еще предстоит выяснить. Следовательно, под утопическим образом будущего мы будем иметь в виду совокупность идей, выражающих надежду на более совершенное социальное устройство общества, возможное или ожидаемое в будущем.

Одним из главных вопросов при исследовании утопии в качестве образа будущего мы считаем определение природы этого образа. От решения вопроса о том, что инициирует создание позитивных картин будущего, зависит то, какую информацию о времени своего создания несет образ будущего. Мы можем обозначить три существующие позиции в решении этого вопроса: онтологическую, эскапистскую и проективную. Непревзойденным авторитетом в анализе онтологического статуса надежды вообще, и социальной надежды выраженной в утопии, в частности, следует назвать Эрнста Блоха. В своем труде «Принцип надежды» Блох утверждает, что утопия есть не что иное, как «удивительно красивая модель будущего мира»³³. Он предполагает, что в основе утопического образа будущего лежат мечты, которые не являются произвольной фантазией, а отражают наилучшую из реальных возможностей. По его имени, будущее, в том числе и социальное будущее, относится к сфере Еще-Не-Бытия. Еще-Не-Бытие, по Блоху, это объективно существующая, хотя и не реализовавшаяся еще реальность. Актуальное бытие содержит в себе элементы Еще-Не-Бытия, образующие наброски будущего – «пейзаж желаний». Утопист, как своеобразный дешифровщик, стремится найти и прочесть «следы» будущего в настоящем, поэтому если утопиями был «обещан осязаемый наилучший вариант, значит он был объективно реально возможным»³⁴. Таким образом, для Блоха природа утопического образа будущего – онтологична, надежда на лучшее будущее тождественна его прозрению, свидетельствует о реальности такой перспективы. Схожие, но менее проработанные, взгляды мы находим у отечественных мыслителей начала XX века С.Н. Трубецкого и Л.П. Карсавина, которые, размышляя о возможности исторического прогнозирования, говорили о «предчувствии будущего», будущего, которое существует еще не реализовавшись.

Определение природы утопического образа будущего мы можем найти и в эскапистских «мечтах-утешениях». Этот подход восходит к идеям Ф.Ницше о добровольном

³³ Bloch E. *Le Principe Esperance*. – Paris: Gallimard, 1982. – Т.2. – Р.307.

³⁴ Блох Э. Тюбентгенское введение в философию /Пер. с нем. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. – С. 130.

стремлении к иллюзии, как универсальной основе культуры. По мнению Л.В. Шукшиной, к социальным иллюзиям относятся и утопические образы будущего. Социальные иллюзии, а вместе с ними и социальные утопии она относит к области ложных надежд, возникающих в силу несоответствия «между реальным и идеальным, между возможностями, желаниями и потребностями»³⁵. Выделяя как сознательные, так и бессознательные механизмы социальных иллюзий, к первым она причисляет мечту и фантазию, а вторым – механизмы вытеснения, идентификации, интроекции, самоограничения, рационализации, идеализации, проекции, переноса³⁶.

Эскапистская природа утопического образа будущего обнаруживается М.Д. Сусловым, рассматривавшим феномен империалистического утопизма 1880–1914 годов. «Вряд ли можно утверждать, – отмечает он, – что имперские утопии привели к первой мировой войне, но они определенно культивировали «военный менталитет» масс того времени. Эти сгустки геополитической ненависти выполняли компенсаторную функцию символической победы над реальным геополитическим противником, отвлекали от проблем повседневной жизни, и тем самым развязывали руки военным преступникам и тиранам»³⁷. Мечты о светлом будущем, нашедшие отражение в утопических образах, порождают стремлением спрятаться от проблем. Поэтому чем драматичнее социальная реальность, тем ярче образы совершенного будущего, рождаемые ей.

Проективная природа утопического образа будущего утверждается третьей группой авторов. В названной нами работе «The Image of the Future» Ф. Полак подчеркивал конструктивистскую функцию образов будущего. Он настаивает на том, что настоящие представления о грядущем активно влияют на него. Художественные образы с раскрепощенным взлетом фантазии проектируют будущее в соответствии с желаниями современников. Следует отметить, что рассмотрение образа будущего как интеллектуального проекта в настоящее время достаточно распространено. Например, Р. Мертон в «Социальной теории и социальной структуре» замечает, что существующие в нашем сознании образы будущего способны оказывать активное воздействие на реальный ход событий³⁸. И. Валерстайн считает, что наряду с социальными утопиями как догматическими иллюзиями, в общественном сознании присутствует и «утопийское» (Utopistics) как «облик альтернативного, наверняка лучшего и исторически возможного будущего». Такие образы исторических альтернатив, становятся особенно важны в моменты исторических переходов, когда открывается возможность для реализации таких проектов³⁹.

Мы согласны с авторами, утверждающими, что позитивный образ будущего утопистов имеет социально-психологическую природу. Создателям утопий, как и их читателям, свойственно стремление к лучшему, стремление обрести лучшую долю в будущем. В каждой утопии мы считаем возможным выделить базовый набор «социальных устремлений», включающий, по меньшей мере, пять пунктов: достаток, справедливость, возможность для самореализации человека, здоровье и долголетие. Однако конкретное наполнение каждого из этих пожеланий допускает бесконечное количество вариаций. Пожелание достатка может выглядеть страной изобилия (в народных утопиях), либо реализовываться через регламентацию потребления («Город Солнца» Т. Кампанеллы), или уравнивания потребления («Утопия» Т. Мора), а может подразумевать дифференциацию дохода (Бенсалем Ф. Бэкона). Еще более разнообразным предстает воплощение идеи справедливости, понимаемой, в одном случае, через описание устройства потребления, в другом, через провозглашение организации уравнительного распределения, но без утверждения того же принципа в производстве. Справедливое общество может носить вид бесконфликтного сообщества, общежития, устроенного в соответствии с разнообразием человеческих способностей, общества, гармонизированного с природой, или построенного в соответствии с формальными положениями права и т.д.

³⁵ Шукшина Л.В. Генезис социально-философского осмысления проблемы социальных иллюзий // Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – №2. – С.48–52.

³⁶ Там же.

³⁷ Сулов М. Д. Феномен империалистического утопизма, 1880-1914/М. Д. Сулов // Вопросы философии, 2010, N 3. – С.18–29. – С. 27.

³⁸ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ: Хранитель, 2006. – С.335.

³⁹ Валерстайн И. Утопийское, или исторические возможности XXI века // Прогнозис. – 2006. – №1 – С.8

Такая вариативность если и не сводит на нет универсальность утопических устремлений, то значительно ограничивает чисто психологическую природу позитивного образа будущего. Коренясь в стремлении к лучшему, этот образ приобретает свой окончательный вид исходя из специфики социально-временного контекста. Именно он определяет как будет видеться «лучшее» общество создателям утопии. Но значит ли это, что образ будущего строится путем идеализации существующей социальной реальности? Мы не стали бы это утверждать. Важнейшей составляющей позитивного образа будущего является соответствующая ему система ценностей. Она имеет решающее значение в конкретизации идеалов достатка, справедливости, самореализации, и их иерархического взаиморасположения. В значительной степени система ценностей определяется социокультурным контекстом, однако в своем конечном виде зависит от гораздо большего количества факторов.

Для определения природы утопического образа будущего важно указать на одно из важнейших для его осмысления понятий – надежду. Надежда не тождественна желанию, скорее это такое устремление, которое имеет шанс реализоваться. Надежда связана не с прозрением еще не реализовавшихся пластов бытия, но с интуицией социальных возможностей. Социальная надежда порождается оптимистической оценкой существующих в реальности векторов развития социума. Мы не случайно использовали понятие «интуиция», поскольку не рискуем помещать феномен надежды в область рационального или иррационального, заметим только, что эмоциональная составляющая играет в нем не последнюю роль. Надежда как компас указывает на социальные возможности, реализация которых оценивается субъектом надежды как желательные.

Таким образом, мы полагаем, что появление конкретного утопического образа будущего обуславливается действием трех факторов: психологической универсалией стремления к позитивным изменениям; конкретно-исторической трактовкой этого устремления; интуицией социальных возможностей, позволяющей надеяться на такие изменения. Вывод из этого может быть таким: утопический образ будущего возникает не от безысходности, а как оправдание социального настоящего. Формирование утопического образа будущего свидетельствует о том, что его авторы находят в окружающей их социальной реальности позитивные стороны, тенденции, достойные продолжения. Выделяя в современности процессы, развитие которых дает право надеяться на улучшение социального бытия, авторы утопий видят в своих современниках людей, способных претворить в жизнь эту надежду.

Антитезой утопического образа будущего становятся образы, продуцируемые страхом перед грядущим. Исходя из этого подхода, можно предположить, что поскольку надежде противостоит страх, он отражает состояние социальной безысходности. Крайним вариантом негативного образа будущего выступает эсхатология. Эсхатологические образы не менее разнообразны, чем утопические, однако эти финалистические картины демонстрируют только одну разновидность социального страха перед будущим. Другим ее вариантом являются различные картины социальной нестабильности, кризисов, социальных, техногенных и экологических потрясений. Природа негативного образа будущего является темой отдельного исследования, которое поможет выявить механизмы формирования конкретных образов будущего.

Обращение к утопиям как носителям направленного в будущее социального идеала позволяет выявить систему ценностей, в ее отношении к перспективам развития того или иного общества, рассмотреть функционирующие в обществе идеалы с позиции возможности претворения их в жизнь. Сходным образом рассматривал утопию К.Мангейм, отмечавший, что так называемая «оторванность» утопии от жизни означает определение позитивного вектора в развитии общества, который с позиции социального настоящего оценивается как маловероятный. Мангейм полагал, что изучение утопий позволяет увидеть, какое будущее казалось желательным прошлым поколениям людей⁴⁰. Исследование образа желаемого будущего позволяет понять, как оценивали свое настоящее его

⁴⁰ Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежн. лит.: Пер. с разн. яз. – М.: Прогресс, 1991. – С.122–123.

творцы, какие его стороны интенционально выделяли, какие, напротив, оказывались скрытыми от их глаз.

Список литературы

1. Мартынов Д.Е. К рассмотрению семантической эволюции понятия «утопия» (XX в.) // Вопросы философии. 2009. №10. С.156.
2. Negley G., Patrik D. The Quest for Utopia. N.Y., 1952. 380 p.
3. Медведева Т.Б. Концепт утопии: современные исследования и многообразие интерпретаций // Гуманитарные и социально-экономические // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2009. №2 С. 113–117.
4. Шадурский М. Литературная утопия от Мора до Хакели: Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова. М., 2007. С. 10–12.
5. Эткинд Т. Толкование путешествий. – Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001.
6. Ковтун Н.В. Роман В.Ф. Одоевского «4338 год» и традиции интеллектуальной утопии в России // Известия томского политехнического университета. 2004.Т. 307. № 5. С. 180.
7. Постникова Е.Г. Миф об идеальном русском государстве в «Помпадурках и помпадуршах» М.Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. №10. С. 191–196.
8. Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М., 1989.
9. Петрихин А.В., Курочкина Л.Я. Плурализм трактовок феномена «Утопия» в контексте единой европейской утопической традиции // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2009. Т5. № 11. С. 251–254.
10. Араб-Оглы Э.Я. Антиутопия. М., 1989. С. 3.
11. Фогт А. Социальные утопии. М., 2007. С.IX.
12. Мильдон В.И. История и утопия как типы сознания // Вопросы философии. 2006. № 1. С. 15–24
13. Ямпольский М. Ткач и визионер: Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М., 2007.
14. Сафина А.М. Материк социального: утопия как репрезентационная структура // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2010. Т. 152, кн. 1. С. 155–161.
15. Фишман Л.Г. «Утопия» ренессанса и «политический проект» постмодерна // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2003. № 4. С. 138–160.
16. Петрихин А.В. Антиутопия как способ осознания единства цели и различия путей ее достижения гуманизмом и утопией // Вестник воронежского государственного технического университета. 2009. Т.5. №6. С. 140.
17. Лабрика Ж. Марксизм между наукой и утопией // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2004. № 5. С. 290.
18. Бестужев-Лада И.В. Окно в будущее: Современные проблемы социального прогнозирования. М., 1970. С. 38.
19. Аинса Ф. Реконструкция утопии: Эссе. / Пер. с франц. М., 1999. С. 149–151.
20. Паниотова Т.С. Рождение Утопии: латиноамериканский контекст // Вопросы философии. 2005. №10. С. 77.
21. Суслов М.Д. Феномен империалистического утопизма 1880-1914 гг. // Вопросы философии. 2010. №3. С. 18–29.
22. Касториadis К. Воображаемое установление общества. / Пер. с франц. М., 2003. С. 9.
23. Polak, F. The Image of the Future. Leiden-New York, 1961.
24. Bloch E. Le Principe Esperance. Paris: Gallimard, 1982. Т.2. Р.307.
25. Блох Э. Тюбнгенское введение в философию. / Пер. с нем. Екатеринбург, 1997. С. 130.
26. Шукпина Л.В. Генезис социально-философского осмысления проблемы социальных иллюзий // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. №2. С.48–52.
27. Мергон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С.335.
28. Валлерстайн И. Утопийское, или исторические возможности XXI века // Прогнозис. 2006. №1. С.8.
29. Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежн. лит.: Пер. с разн. яз. М., 1991. С.122–123.

UTOPIA AS AN IMAGE OF FUTURE

I.V. ZHELTIKOVA

Orel State University

e-mail: in_g@orel.ru

The article is devoted to Utopia which is considered a bearer of social ideal, an image of wished future. The author analyses Utopia and tradition of its study. The author tries to reveal the aspects of Utopia which can give the opportunity to characterize it as a positive picture of future. The author of this article supposes that the image of future which given in Utopia bases on the hope for the best future. The nature of the image of future is in the social psychology. This position defines Utopia as a justification of the social present time which gave birth to this image of future. Utopia as an image of future is formed on the basis of the revelation of some trends in the Present Time. These trends can be continued in the future. This idea gives the hope to the future.

Key words: Utopia, image of future, social expectations, social ideal, social illusions, prognosis, the system of values, social consciousness, public self-consciousness.